

Огромное пламя освещало неподвижную фигуру Цуй Жуньшэна. Он казался бессердечным, ничто не могло его поколебать. Если говорили, что он любит деньги, то такую огромную сумму он мог сжечь без сожаления. Если говорили, что он не любит деньги, то ради них он был готов загнать человека в угол.

Он не был полностью хорошим, но и не был полностью плохим. Его нельзя было определить как просто хорошего или плохого человека.

В кульминационной части фильма, чтобы передать информацию, коллега главного героя У Юя, дочь часовщика, съела листок с данными. После ссоры с мужем она покончила с собой в переулке.

Она смотрела на голубое небо, вонзила кинжал себе в грудь, и с падающей слезой её губы растянулись в довольной улыбке. В этом грязном, узком переулке она навсегда закончила свою жизнь.

Те, кто следил за ней, наконец оставили её в покое.

А за переулком главный герой У Юй вёл её ребёнка.

— Брат У Юй, мама сказала, что сегодня будет лепить пельмени.

Детский лепет и наивная песенка ребёнка жестоко контрастировали с телом за стеной.

Никто не знал, как сказать этому ребёнку, что у него больше нет мамы.

В зале раздались редкие всхлипы. Дуань Цзянцю услышал, как сзади девушка рыдала, её подруга тоже не могла сдержать слёз.

— Я отправлю режиссёру ножницы!..

Дуань Цзянцю был не из тех, кто легко плачет. Несколько сцен в фильме были очень трогательными, но он оставался невозмутимым, даже не почувствовав щемящего чувства в носу.

До тех пор, пока он не увидел, как Цуй Жуньшэн приказал У Юю уйти.

— Убирайся. — Он держал в руке чашку чая, подошёл к креслу и сел. Снаружи гремели взрывы, но он выглядел так, словно гулял по саду.

— Цуй Жуньшэн! В такое тяжёлое время для страны у тебя совсем нет совести? — У Юй обвинял его.

— Кто бы ни правил страной, мне всё равно. Кто приносит мне выгоду, на той стороне я и стою.

— Холодно ответил Цуй Жуньшэн.

— Ты! Предатель! — У Юй в ярости указал на него и обругал.

— Откуда эта бешеная собака, уведите её. — Цуй Жуньшэн с недовольством бросил взгляд на подчинённых, и У Юя силой увели.

Кто-то тихо сказал:

— Этот Цуй Жуньшэн, хоть и красавец, но слишком уж подлый, наживается на беде страны.

— Действительно, антагонист. Такой персонаж даже на лице не хочется целовать, слишком низко пал.

Но следующий сюжет сильно ударил им по лицу.

Цуй Жуньшэн нарочно приказал увести У Юя, чтобы помочь ему избежать погони врагов. В фильме не объяснялось, почему он так поступил. Возможно, он знал, что У Юй должен выжить, чтобы спасти других. А может, просто ему так захотелось, ведь Санье Цуй всегда поступал по своему усмотрению.

Цуй Жуньшэн вёл дела с врагами, что было равносильно игре с тигром. Враги, не найдя У Юя, наконец заподозрили его и устроили ловушку, заманив на банкет.

Зная, что может не вернуться, Цуй Жуньшэн оставался спокоен. Он шёл не на смерть, а на вечеринку, с лёгкой улыбкой на лице, перебирая чётки.

На банкете Цуй Жуньшэна пронзили мечом самурая, и чётки рассыпались по окровавленному татами.

— Я всегда платил за обиды... Господин Аидзава, примите этот подарок... — Из уголка рта Цуй Жуньшэна струилась кровь, глаза горели, и на лице появилась улыбка.

— Что ты сделал?! — Господин Аидзава вскочил с места.

— Бум! — Снаружи раздался взрыв.

— Бум! Бум! Бум! —

Цуй Жуньшэн лежал в луже крови, глядя на огонь снаружи, и его взгляд постепенно затуманился.

Сегодняшний фейерверк был прекрасен.

Это был не конец фильма, но зрители в зале уже рыдали, задыхаясь от слёз.

Капля упала на тыльную сторону руки, и Дуань Цзянцю очнулся. Он поднял руку и коснулся своего лица.

Он плакал?

Не из-за фильма, он просто вспомнил ту аварию.

Перед потерей сознания он видел только кровь — свою и Мэн Яньчжана.

Сцена смерти Цуй Жуньшэна заставила его вспомнить ту ночь, каждый деталь всплывал в его памяти.

Дуань Цзянцю резко протянул руку к Мэн Яньчжану, его рука была рядом, тёплая.

Мэн Яньчжан не оттолкнул его, и Дуань Цзянцю сжал его руку всё сильнее, словно только так мог убедиться, что Мэн Яньчжан жив и рядом с ним.

С началом финальной песни в зале зажгли свет.

— Я хочу посмотреть ещё раз!

— Это было потрясающе!

— Мой макияж полностью размазался.

— Цуй Жуньшэн умер так трагично... Я... Я... отправлю режиссёру ножницы!

Когда все разошлись, Дуань Цзянцю потянул за руку Мэн Яньчжана:

— Пойдём.

Но тот не двинулся, и Дуань Цзянцю с удивлением обернулся.

Его глаза расширились: Мэн Яньчжан плакал!

Дуань Цзянцю был в замешательстве. Это же твой фильм, разве так можно плакать?

Он растерянно достал салфетки и протянул их Мэн Яньчжану:

— Вытри слёзы.

— Спасибо. — Голос Мэн Яньчжана был хриплым от слёз. Дуань Цзянцю не слышал, чтобы тот плакал, или, может, сзади девушки плакали так громко, что заглушили его?

— Мне нужно... успокоиться. — Слёзы Мэн Яньчжана не прекращались, глаза были красными, даже нос покраснел.

Какой милый!

Дуань Цзянцю почувствовал, как его сердце сжалось.

Он натянул кепку на Мэн Яньчжана:

— Давай выйдем, чтобы никто не увидел.

— Хорошо. — Мэн Яньчжан ответил глухо.

Дуань Цзянцю полностью замаскировал себя и Мэн Яньчжана, взял его за руку и повёл наружу. Мэн Яньчжан шёл, опустив голову и вытирая слёзы, покорно позволяя вести себя.

Как он может быть таким милым!

Дуань Цзянцю кричал внутри от восторга, он был на седьмом небе от счастья.

Наверху был отель, который, как назло, принадлежал семье Дуань Цзянцю. Он повёл Мэн Яньчжана наверх и снял номер.

— Пойди умойся. — Дуань Цзянцю большим пальцем стёр слёзы с ресниц Мэн Яньчжана.

Мэн Яньчжан кивнул и провёл в ванной три минуты.

Его попросили умыться, а он вымыл голову.

Дуань Цзянцю взял фен и высушил ему волосы.

— Ты сейчас... — осторожно спросил Дуань Цзянцю.

— Всё в порядке, я просто был очень тронут. — Мэн Яньчжан был очень чувствительным, его легко было довести до слёз, даже если это был глупый сериал.

Дуань Цзянцю: «...»

Он думал, что Мэн Яньчжан вспомнил что-то печальное, как это было с ним, но оказалось, что тот просто был тронут фильмом.

— А... это действительно трогательно. — Дуань Цзянцю неловко улыбнулся.

Мэн Яньчжан знал, что выглядел глупо, но не мог сдержать слёз.

Дуань Цзянцю заметил, что его уши покраснели, и невольно улыбнулся, потрогав их. Они были мягкими и немного горячими.

Они не собирались оставаться здесь на ночь, и, отдохнув, спустились вниз.

— Бофэй, это не твой брат? — Молодой человек хлопнул по плечу друга, который шутил с девушкой.

— А? — Дуань Бофэй обернулся и увидел Дуань Цзянцю.

Он выходил из одного номера с мужчиной немного выше ростом. Тот был в кепке, и его лицо было не видно. Дуань Цзянцю держал кепку в руке, и его красивое, но резкое лицо было на виду.

Друг Дуань Бофэя присвистнул:

— Бофэй, твой брат крут, оказывается, играет с мужчинами.

Дуань Бофэй тоже не ожидал этого. Он часто менял девушек и не боялся экспериментов, но с мужчинами ещё не пробовал. А вот Дуань Цзянцю, который всегда казался примерным ребёнком, осмелился на такое.

— Я же говорил, что он лицемер. Только дедушка считает его сокровищем, думает, что он хороший. — Дуань Бофэй достал телефон и сфотографировал Дуань Цзянцю.

— Но с такой внешностью, зачем ему мужчины, скорее, это он играет роль подчинённого. — Друзья Дуань Бофэя рассмеялись.

Его девушка вдруг воскликнула:

— Бофэй, так директор Дуань — твой брат? Кстати, он сейчас популярен в интернете.

— Популярен в интернете? — Дуань Бофэй удивлённо поднял бровь.

[Пусто]